

Zeev Bar-Sella
От фонаря

Où est la vérité?

*Любимая фраза любимого
попугая Екатерины I*

В 1932 году Холодный философ с грустью констатировал:

«— А о Зоценко опять ничего не пишут»¹.

И еще раз:

«— А о Зоценко опять ничего не пишут»².

И еще:

«— А про Зоценко все еще ничего не пишут. Как раньше не писали, так и сейчас. Как будто и вовсе его на свете нет»³.

Нынче про Зоценко пишут. И много. А счастья нет...

Потому что непонятно что́ писать. Уже и литературный престиж Зоценко несомненен, уже и великим его назвали — пусть даже только великим сатириком.

Но ведь сатира — это посягательство на нечто большее, чем человеческие недостатки... Нечто более высокое, хотя бы даже и власть. Но таких выпадов у Зоценко не отыскиали и самые нечистоплотные критики.

Уже 30 лет исследователи более или менее осведомлены о том, как писал Зоценко⁴. А вот с тем, что касается истинного содержания его произведений, ясности по-прежнему нет.

© Zeev Bar-Sella. 2015

© TSQ № 51. Winter 2015

¹ *Холодный философ* [Ильф И., Петров Е.] Литературный трамвай // Литературная газета. 1932. № 36. 11.08.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зоценко. М.: Наука, 1979.

Мы остановим наше внимание лишь на одном рассказе Зоценко, но зато из самых известных — «Аристократка».

Существующих мнений по его поводу, как минимум, два. А. Н. Старков, ученый старой школы⁵, в последней своей монографии, пересказав содержание рассказа, делает вывод относительно героя: «Это вовсе не означает, что такой человек непременно плохой. Он — обычный, каких полно вокруг⁶: в многонаселенной коммунальной квартире, в магазинной очереди, в трамвае. И, рассказывая об этом своем „маленьком“ герое, писатель высмеивает не его, а то бескультурье, душевную мелочность, фанфаронство, которые каждодневно ставят его в неловкое положение, но при этом далеко не всегда им даже и осознаются⁷, и заключает примиряющей моралью: «Вполне возможно, что, окажись герой рассказа при деньгах, он — при всем своем негативном отношении к „аристократкам“ — вспоминал бы этот эпизод из своей жизни более спокойно»⁸.

О чем здесь речь? А это полемика с теми неназванными и давно отписавшими свое критиками, которые считали будто Зоценко своих героев ненавидел.

Понятно, что об «Аристократке» автор монографии ничего конкретного сказать не смог, поскольку чего либо существен-

⁵ Старков А. Н. Юмор Зоценко. М.: Художественная литература, 1974.

⁶ Ср.: «Я взял если не типичного обывателя, то, во всяком случае, человека, которого можно найти во множестве» (Зоценко М. М. Как я работаю (Сокращенная и исправленная стенограмма беседы М. Зоценко в кабинете начинающего писателя в ленинградском Доме печати) // Литературная учеба. 1930. № 3. С. 111).

⁷ Старков А. Н. Михаил Зоценко: Судьба художника. М.: Сов. писатель, 1990. С. 47. Ср.: «Это хорошие, по существу, люди, обезличенные долгой жизнью в унижительных условиях. Чем нехорош человек, который „не любит аристократок“, или рабочий, устраивающий скандал потому, что ему померещилось, будто его презирают за рабочий костюм, и еще многие другие? Все они хорошие люди, но их держат в плену узкие, косные представления и жизненные навыки, навязанные им старым обществом» (Сац И. Герой Михаила Зоценко // Литературный критик. 1938. № 3. С. 157).

⁸ Там же. С. 48.

ного, отличающего данный зощенковский рассказ от прочих не увидал.

А в 1988 году, в парижском «Синтаксисе», А. К. Жолковский напечатал рассказ о недавнем эмигранте из СССР, а ныне американском профессоре Z.⁹

Некий студент подает профессору курсовую работу, в которой анализируется рассказ Зощенко «Аристократка». С первых же фраз профессор Z. испытывает неприятное чувство, будучи не в силах понять — что перед ним: обычная курсовая или провокация — попытка выставить профессора на посмешище или, хуже того, уличить в профессиональной непригодности? С тяжелым чувством берется профессор за чтение. Как он и боялся, рассказ рассматривается с точки зрения психоанализа, которым бывший советский преподаватель, понятное дело, не владеет.

«“...Мужчина знакомится с женщиной, она активно идет ему навстречу, но в решительный момент он отказывается от нее... <...> Это <...> типичный для Зощенко мотив страха перед женщиной, восходящий к ранней травме насильственно прерванного кормления грудью...”»

Да и прямых намеков сексуального свойства в рассказе не счесть:

«Хожу вокруг нее, что *петух*»;

«подходит *развратной* походочкой к блюду»;

«взяла меня этакая буржуйская *стыдливость*»...

Дальше больше:

⁹ Жолковский А. К. «Аристократка» // Синтаксис. — Париж. 1988. № 23. С. 69—81; с устранением кавычек в заглавии переп. в: Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский. М.: Олимп ППП, 1994. С. 331—339.

«„Сексуальные потенции героя символизируются деньгами, которых у него „кот наплакал, самое большое что на три“, точнее, „в обрез (!) на четыре штуки“».

А вот и подтверждение, буквально в следующей фразе:

«„Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос“».

Короче, перед нами проверка сексуальных способностей посредством рукоблудия, и результат этой проверки неутешителен — с гулькин нос...

И то, что на четвертом пирожном остались лишь *надкус* да вмятина от *пальца*, делает диагноз окончательным — импотенция налицо.

После чего автор курсовой пересказывает на повесть «Перед заходом солнца», где с удовольствием обнаруживает все недостающее — желание переспать с матерью и страх перед кастрацией в наказание за инцест.

И можно только удивляться, что от внимания профессора Z., т. е. *Zholkovsky*, т.е. Жолковского ускользнул такой пассаж рассказа:

«<...> такая аристократка мне и *не баба* вовсе, а *гладкое место*».

Это же прямая реминисценция из гоголевского «Носа»:

«Ковалев <...> хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу; но к величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа *совершенно гладкое место!*».

А ведь еще в 1924 году профессор Ермаков прозорливо указал, что утрата носа — это совершенно несомненная кастрация¹⁰!

Вывод сводится к беглому пересказу повести Зоценко «Перед восходом солнца», написанной в 1943 году и рассказывавшей о предпринятых писателем попытках самолечения посредством психоанализа. А излечиться Зоценко хотел от собственного творчества.

И хотя после этого Зоценко стал писать намного хуже, окончательного выздоровления не наступило.

Что же касается рассказа Жолковского, то это очевидная пародия на психоанализ. Точнее, на самые расхожие представления о психоанализе. И за то, что десятилетие спустя Жолковский отнесся к своей шутке всерьез¹¹, ни Фрейд, ни Ермаков, ни Лакан никакой ответственности не несут (тем более, что только Фрейда Жолковский и поминает).

Не виноваты они и в новом повороте жолковской мысли, объявившей «Аристократку» шедевром гастрономической прозы¹², в каковой связи, уместно, наверное, вспомнить реплику рассказчика по поводу съедения третьего пирожного:

«— Натощак — не много ли? Может вытошнить.

<...>

— Нет, — говорит, — мы привыкшие.

И берет четвертое».

Психоанализ отлично вскрывает те ухищрения, к которым прибегает человек, чтобы скрыть правду о себе. И оказывается, что одни люди пишут, рисуют, сочиняют музыку, а другие — с такими же точно комплексами и травмами — ни на что подобное не способны. Иными словами, психоанализ спосо-

¹⁰ Ермаков И. Д. Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы: Пушкин, Гоголь, Достоевский. М.: НЛО, 1999. С. 279.

¹¹ Жолковский А. К. Михаил Зоценко: Поэтика недоверия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 20—23.

¹² Там же. С. 232.

бен доказать несомненную принадлежность писателя к роду человеческого. И не более того.

Литературное произведение обладает различными свойствами. Но два момента должны присутствовать непременно: фабула и сюжет. Фабула, говоря простым языком, — это то, о чем писатель рассказывает, а сюжет — то, что он хочет своим произведением сказать.

И раз «Аристократка» произведение литературы, наличие сюжета в нем обязательно. Вот только разглядеть его трудно, поскольку Зощенко сам признавался, что сюжет в его произведениях «не бьет в нос»¹³.

История текста такова: в 1923 году Зощенко решил повторить удачный опыт «Рассказов Назара Ильича господина Синябрюхова» (1921—22) и создал новый цикл со сквозной фигурой рассказчика — Семена Семеновича Курочкина. Написал подобающее «Вступление», 12 рассказов, а затем от своего намерения отказался и стал публиковать входившие в цикл рассказы по отдельности. Так «Рассказ о том, как Семен Семенович в аристократку влюбился»¹⁴ превратился в «Аристократку», а сам Семен Семенович Курочкин утратил фамилию и стал Григорием Ивановичем¹⁵. Навсегда.

Про то, как рассказ писался, можно прочесть в воспоминаниях М. Слонимского:

«Писал Зощенко в те годы много, рассказ следовал за рассказом. Вспоминаю, как он, посидев у меня, пошел по делам в своей кепочке (он так до конца дней и не сменил кепку на мягкую шляпу). И вдруг через какой-нибудь час, может быть даже меньше, стук в дверь, и он появился снова у меня в комнате. Он был несколько возбужден, улыбался, в глазах как бы застыл смех.

— Понимаешь, — сказал он с некоторым недоумением, — написал сейчас рассказ.

— Как так? Ведь ты же уходил...

¹³ Зощенко М. М. Как я работаю... С. 112.

¹⁴ Зощенко М. Веселая жизнь. Л.: Гос. изд., 1924. С. 70—73.

¹⁵ Красный ворон. 1923. № 42. Ноябрь. С. 2.

— Да нет. На лестнице схватило, и пришлось вернуться. Все-таки, знаешь, — прибавил он вдруг, — это вроде болезни. Вообще от хорошей жизни писателем не становятся. Надо что-то претерпеть или вообще быть больным.

Смех в его глазах растаял.

Рассказ, который он написал тогда, был „Аристократка“, одна из знаменитых его вещей»¹⁶.

Очень похожую историю рассказывал в 1930 году и сам Зо-щенко:

«...лично я работаю большей частью и главным образом имея вдохновение, то есть творческое напряжение, которое позволяет работать легко, быстро и успешно. При такой работе на рассказ тратится столько времени, сколько требуется, чтобы его записать.

<...> „Аристократку“ я написал на лестнице, — т.е. весь план этого рассказа я набросал на лестнице. Я вспомнил одну фразу из события, которое мне рассказали, и на лестнице, на конверте письма, набросал сразу почти весь рассказ. Это так называемый рассказ, написанный в творческом подъеме»¹⁷.

А вот и они — та фраза и то событие:

«Мы уехали в Псковскую губернию весной 1921 из Петрограда военного коммунизма, а осенью вернулись в Петроград нэповский.

За эти несколько месяцев жизнь в городе круто изменилась. На всех углах открылись частные лавчонки, закрытые с восемнадцатого года. Рынки и барахолки кишели толпой. Разного рода спекулянты и мешочники, еще недавно орудовавшие втайне, теперь действовали открыто, выставляя напо-

¹⁶ Слонимский М. Михаил Зощенко // Михаил Зощенко в воспоминаниях современников. М.: Советский писатель, 1981. С. 114.

¹⁷ Зощенко М. М. Как я работаю... С. 107; цит. по: Зощенко М. М. Уважаемые граждане / Подг. М. З. Долинский. М.: Книжная палата, 1991. С. 588, 590 (с учетом правки в рукописи).

каз свои синие шевиотовые пиджаки, резко выделявшиеся среди миллионов толстовок и заношенных гимнастерок. Валютчики на Невском приставали к прохожим и предлагали доллары, марки, франки. Появились кафе, в которых — впервые за четыре года — продавались пирожные. Особенно много возникло комиссионных магазинов — по перепродаже мебели, фарфора, хрусталя, картин. Все это стоило копейки, но почти не раскупалось, потому что копеек ни у кого не было. Сейчас трудно себе даже представить, до чего убогой была нэповская роскошь. Человек, носивший пиджак и галстук, считался неслыханным франтом, изысканным денди. Человек, покупающий пирожное, считался кутилой, прожигателем жизни.

Однажды таким прожигателем жизни оказался и я. Была у меня приятельница, девочка лет семнадцати, которую звали Таня Ларина. В отличие от пушкинской Тани была она не Дмитриевна, а Константиновна. Я проводил с ней много времени. И, между прочим, свел как-то в Дом искусств. Она понравилась Мише Зощенко, он запомнил ее и потом, встречаясь со мной, всякий раз спрашивал меня о Тане Лариной.

Однажды, поздней осенью 1921 года, пошел я с Таней в театр, находившийся в Пассаже и называвшийся петроградцами по старой памяти театром Сабурова. В фойе театра — неслыханная новость! — был буфет. В антракте мы с Таней, как заколдованные, ходили мимо стойки, где стояла большая ваза с пирожными. Конечно, я понимал, что настоящий кавалер должен был бы угостить свою даму, но колебался. Тут же в фойе обнаружился поэт Николай Оцуп с женой Полиной, красивой женщиной, казавшейся нам очень шикарной, потому что она как-то по-особенному косила глаза. Оцуп небрежно мне кивнул, подвел жену к стойке, и они съели по пирожному. При виде жующего Оцупа мои колебания кончились. Когда Оцуп расплатился и отошел, я подвел к стойке Таню и предложил съесть по пирожному.

Таня взяла пирожное, взял и я. Таня съела пирожное с величайшим наслаждением. Облизала пальцы, и сейчас же — цоп — взяла из вазы еще одно.

Я, конечно, не говорил ей: „Ложи взад“. Но я пережил несколько страшных минут. Я не знал в точности, сколько у меня денег в кармане, но по предварительным моим расчетам выходило, что за два пирожных я заплатить могу, а за три — никак. Я ждал скандала, ждал, что меня выведут из театра. Все обошлось, потому что я отыскал где-то в заднем кармане полученную в трамвае сдачу, о которой я забыл. Но память об испуге, который я испытал в течение нескольких минут, пока Таня ела пирожное, осталась во мне надолго.

На следующий день был я в Доме искусств и зашел к Зоценко, который жил теперь рядом со Слонимским. Зоценко сразу же стал спрашивать меня о Тане Лариной, и я рассказал ему о своем вчерашнем переживании в театре.

На ближайшем серапионовском сборище он прочитал свой новый рассказ — „Аристократка“. Как всегда, читал он серьезно, с неподвижным лицом, но после каждой фразы слушатели хохотали так, что тряслись стены. Мы слевой Лунцем плакали от смеха. Зоценко очень точно использовал мой рассказ, взял даже слово „доп“, а ведь я, рассказывая ему, не видел в этом неприятном происшествии с пирожным ничего смешного. От этого все, что он читал, казалось мне еще уморительнее. И, несмотря на то, что он изобразил меня в виде какого-то малопривлекательного водопроводчика, я был рад, что хоть так попал в литературу»¹⁸.

Некоторое недоумение вызывает датировка события — Николай Чуковский отнес его к поздней осени 1921 года. Тогда же, сообщает он, был написан и рассказ. А опубликовал его Зоценко, как мы помним, в 1923-м...

Но, если про это забыть, то перед нами рассказ, написанный за один присест, или, точнее, — за один постой. И, значит, не особо замысловатый. Чтобы не сказать, — простой. А вот и сам рассказ в его канонической версии.

¹⁸ Чуковский Н. К. Литературные воспоминания: О том, что видел. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 113–115.

АРИСТОКРАТКА

Григорий Иванович шумно вздохнул¹⁹, вытер подбородок рукавом и сказал:²⁰

— Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней²¹ фильдекосовые, или мопсик у ней²² на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в своё время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней²³ и²⁴ в театр водил. В театре то всё и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней²⁵ во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней²⁶, зуб золоченый.

— Откуда, — говорю, — ты²⁷, гражданка? Из какого номера?

— Я, — говорит, — из седьмого.

— Пожалуйста, — говорю, — живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней²⁸. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

— Да, — отвечает, — действует.

И сама кутается в байковый платок и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней²⁹ месяц — привыкла. Стала подробней отвечать.

¹⁹ «Красный ворон» (далее: КВ) — «шумно вздохнул» заменено на: «икнул два раза подряд».

²⁰ В сб. «Веселая жизнь» (далее: ВЖ) «Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и сказал[:]» устраниено.

²¹ КВ — «ней» заменено на: «ей».

²² КВ — «ней» заменено на: «ей».

²³ КВ — «ней» заменено на: «ей».

²⁴ ВЖ — «и» заменено на: [.]

²⁵ КВ — «ней» заменено на: «ей».

²⁶ КВ — «ней» заменено на: «ей».

²⁷ КВ — «ты» заменено на: «вы».

²⁸ КВ — «ней» заменено на: «ей».

²⁹ КВ — «ней» заменено на: «ей».

Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович³⁰.

Дальше — больше, стали мы с ней³¹ по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она ведет себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать — не знаю и перед народом совестно.

Ну, а раз она мне и говорит:

— Что вы, — говорит, — ³² меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась³³. Вы бы, — говорит, — как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

— Можно, — говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка³⁴ билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой — внизу сидеть, а который Васькин — аж на самой галерейке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я на Васькин. Сижу на верхотуре и ни хрена не вижу. А ежели напнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу — антракт. А она в антракте ходит.

— Здравствуйтесь, — говорю.

— Здравствуйтесь.

— Интересно, — говорю, — действует ли тут водопровод?

— Не знаю, — говорит.

И сама в буфет прет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я этаким гусем, этаким буржуем нерезанным выюсь вокруг ее³⁵ и предлагаю:

— Ежели, — говорю, — вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

³⁰ ВЖ — «Григорий Иванович» заменено на: «Семен Семенович».

³¹ КВ — «ней» заменено на: «ей».

³² КВ — вставка: «Григорий Иванович[,]»; ВЖ — вставка: «Семен Семенович[,]».

³³ КВ — «закрутилась» заменено на: «закружилась».

³⁴ КВ — «комячейка» заменена на: «ком'ячейка».

³⁵ КВ — «ее» заменено на: «нее» <sic!>.

— Мерси, — говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом, и жрет.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает³⁶, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня такая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг ее³⁷, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

— Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

— Нет.

И берет третье.

Я говорю:

— Натощак-то³⁸ не много ли? Может вытошнить.

А она:

— Нет, — говорит, — мы привыкшие.

И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи, — говорю, — взад!

А она испужалась. Открыла рот. А во рте зуб блестит.

А мне будто попала возжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

— Ложи, — говорю, — к чертовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индефферентно <sic!> — ваньку³⁹ валяет.

³⁶ КВ — «кушает» заменено на: «харчит».

³⁷ КВ — «ее» заменено на: «нее» <sic!>.

³⁸ КВ — «Натощак-то» заменено на: «Натощак то»

³⁹ ВЖ — «ваньку» заменено на: «Ваньку»

— С вас, — говорит, — за скушанные четыре штуки столько-то⁴⁰.

— Как, — говорю, — за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

— Нету, — отвечает, — хотя оно и в блюде находится, но надкус на ём⁴¹ сделан и пальцем смято.

— Как, — говорю, — надкус, помилуйте. Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно <sic!> — перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты. Одни говорят: надкус сделан, другие — нету.

А я вывернул карманы — всякое, конечно, барохло <sic!> на пол вывалилось — народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги — в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

— Докушивайте, — говорю, — Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докушивать.

А тут какой-то⁴² дядя ввязался.

— Давай, — говорит, — я докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то⁴³ деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит:

— Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездют с дамами.

А я говорю:

— Не в деньгах счастье⁴⁴. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

⁴⁰ КВ — «столько-то» заменено на: «*столько то*»

⁴¹ КВ — «ём» заменено на: «*ем*»

⁴² КВ — «какой-то» заменено на: «*какой то*»

⁴³ КВ — «мои-то» заменено на: «*мои то*»

⁴⁴ ВЖ — вставка: «*[,] гражданка*»

Вот и весь рассказ! Никаких тайн и загадок — всё понятно. И смешно. Отчего смешно — тоже понятно. Комический эффект строится на превратном понимании слова «аристократка». Григорий Иванович, рассказчик, под этим словом понимает набор следующих признаков: шляпка, фильдекосовые чулки, мопс и золотой зуб.

Фильдекосовые чулки изготавливались из крученой гладкой хлопчатобумажной пряжи, по виду напоминающей шелк. Только по виду, но не шелковой (да и зуб, кстати, не золотой, а «золоченый»). Поэтому все эти признаки случайны и неубедительны: точка отсчета — привычная и чудовищная нищета.

Попытаемся подойти к рассказу с другой стороны — что в нем необычного? В Григории Ивановиче ничего необычного нет — герой, типичный для Зоценко: невежественный и самодостаточный... В стресс его ввергает непривычная ситуация — непомерные требования женщины, за которой он принялся ухаживать.

Требования же эти таковы — культурный досуг и деликатесы на угощение.

А это значит, что героиня рассказа выбивается из общего ряда: не пролетарка, а аристократка; не «спасибо», а «мерси», да еще пирожные жрет, как не в себе...

«Мерси» — слово французское: merci. И если на секунду допустить, что употребила его не жеманная мешчанка, то иной смысл приобретает и «аристократка»: «Les aristocrates à la lanterne!» — «Аристократов на фонарь!» из любимой песенки парижской черни «Ça ira» — «Дело пойдёт на лад!»:

Ах, дело пойдёт! Дело пойдёт на лад
Аристократов на фонарь,
Ах, дело пойдёт! Дело пойдёт на лад,
Аристократов повесят.

Что же тогда означает нездоровое пристрастие к пирожным?

Только одно: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!» — фраза, произнесенная Марией-Антуанетой и иллю-

стрирующая глубину пропасти, отделяющей правящую верхушку абсолютистской Франции от нужд простого народа. Пропасти непонимания.

Скорее всего, Мария-Антуанетта слов таких никогда не говорила. В оборот эту фразу пустил Жан-Жак Руссо, приписав ее некой безымянной принцессе. Но Руссо написал свою «Исповедь» в 1769 году, за год до приезда Марии-Антуанетты из Австрии.

А через 20 лет на Марию-Антуанетту — уже королеву — стали вешать всех собак. Повесили на нее и слова Руссо.

Тем более, про хлеб поется в той же песне «Ça ira»:

Вот уже три сотни лет нам обещают,
Что нам дадут хлеба,
<...>
Хватит вранья и фраз,
Мы не хотим больше умирать с голоду!

И тогда получается, что все три слова — «мерси», «аристократка», «пирожное» — складываются в одно понятие и одно событие: Великая Французская революция.

А применительно к русским условиям, — революция.

Именно о революции и говорится в рассказе «Аристократка».

Герой рассказа Григорий Иванович — водопроводчик. Но на самом деле — он нечто совсем иное: к представительнице аристократического сословия заявляется как «лицо официальное». И объект ухаживаний воспринимает его соответственно — не просто «кавалер», но «кавалер и у власти».

И кавалер ведет себя в полном осознании своего места в жизни:

«— Откуда, — говорю, — ты, гражданка? Из какого номера?»

— Я, — говорит, — из седьмого.

— Пожалуйста, — говорю, — живите».

На первый взгляд — перед нами пример бестолковщины, неумения вести нормальный человеческий разговор. Но суть дела в том, что Григорий Иванович не просто власть — он властен над жизнью и смертью: этому жить разрешил, а того права на жизнь лишил. В полном согласии с песенкой «Ça ira»:

Наказание для вас готовится,
Так как народ обретает свои права,
Вы хорошо заплатите за наши головы,
С этим покончено, господа короли!
Не нужно больше рассчитывать на наших,
Принесут теперь в жертву ваших,
Потому что мы теперь издаем закон, распоряжаемся!

Вот Григорий Иванович и распоряжается! И развлекаться ему теперь положено так, как проводили свой досуг бывшие привилегированные классы. И новая знакомая объясняет ему, что это такое:

«Вы бы, — говорит, — как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр».

Понятно, что в таком контексте, «кавалер» — это не просто ухажер, а шевалье.

И жизнь идет герою навстречу:

«...как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу».

С чего вдруг партийная ячейка раздает билеты в оперу? А это тоже революция, на сей раз культурная: занял место бывшего правящего класса, будь добр — соответствуй.

А Григорию Ивановичу никакой оперы не требуется — он как раньше без оперы жил, так и еще век никакой тоски по ней не ощутил бы... Но... *noblesse oblige*, и приходится ему интерес симулировать:

«— Интересно, — говорю, — действует ли тут водопровод?»

Но ведь и водопровод ему неинтересен, поскольку никакого места в душе не занимает. Он просто ничего другого не знает и не видел. И к культуре тяги никакой не испытывает. Что поделаешь, ну не аристократ он!

Зачем же к выражению такой идеи идти извилистым французским путем?

Для ответа на этот вопрос обратимся к раннему варианту рассказа.

Л. 1

Аристократка⁴⁵

Петр Петрович икнул два раза подряд⁴⁶, вытер подбородок рукавом и сказал:

— А я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. А в особенности не нравятся мне аристократки. Главная причина — я ихнюю идеологию наскрозь вижу. А ихняя идеология это своему кавалеру карман повытряхнуть. Это уж я знаю. Не спорьте. Я сам чуть не женился на одной такой аристократке. На дочери отставного морского контр-адмирала.

А это так вышло.

Был я, конечно, в то время комитетчиком. А жила в нашем доме девица [некая]. По домово́й книжке — Анна Ипполитовна Зимина, 19 лет, дворянка.

⁴⁵ Условные обозначения: *вставка*; *устраненный [текст]*; *·*, *—* — вставка знаков препинания; *<. >* — неразобранный текст (число точек соответствует количеству нечитаемых букв); *[ч]* — пропущенные или недописанные буквы.

⁴⁶ «Икнул два раза подряд» сохранилось в первопечатной версии (Красный ворон. 1923. № 42. Ноябрь); в прочих публикациях заменено на: «шумно вздохнул».

Ну жила. Мне что? Баб чтоли <sic!> я не видел? А только по неизвестной причине я к ней зачастил. Бывало приду на квартиру, как лицо официальное:

Л. 2

— Ну, — говорю, — здравствуйте. Как, говорю, у вас в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

— Да, — отвечает, — действует.

И сама дичится. Кутается в байковый платок и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет.

Походил я к ней месяц и вдруг вижу: влюбился. А во что неизвестно. Барышня она из себя ужасно некрасивенькая, дохлая, вид в ней скушный, фигурка никакая и нос пупсиком. А я умиляюсь. Как бывало увижу ее, так чуть не плачу — умиляла она меня своей фигургой <sic!> тоненькой.

Ну а за месяц она привыкла ко мне. Стала подробней отвечать. Дескать, действует *водопровод*, спасибо вам Петр Петрович.

Дальше — больше. Стали мы по улицам ходить. Бывало выйдем, а она велит под руку себя взять. Я, говорит, так воспитана. Идем подручку <sic!>. [Я <.>] А я что щука волокусь и чего сказать не знаю. И перед народом мне как то <sic!> паршиво, неловко.

Ну, а раз она мне и говорит:

— Что вы, — говорит, — Петр Петрович [—] меня все по улицам водите? Аж голова закружилась. Вы бы, говорит,

Л. 3

Как <sic!> [какв] кавалер и у власти сводили бы меня в академический театр оперы и балета.

— Можно, — говорю.

А тут как раз и случилось: прислала ком'ячейка билеты в оперу. Один билет я получил, другой мне Васька-слесарь уступил.

Вот мы и пошли. Пришли. Сели. Она то <sic!> села внизу, в креслах, а я на слесарев билет на галерейке. Ежели нагинаться через барьер, то я ее вижу, но чтобы впечатлением поделится <sic!> — нет. Только что в антрактах видимся.

А в этом театре я был в первый раз. Расположения не знал. И понес меня черт в буфет. Ходим мы по [ф⁴⁷] буфету, а она, Анна Ипполитовна, глядит на пирожные. А я таким гусем, таким буржуем нерезанным:

— Пожалуйста, — говорю[,] — Ежели вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

И вдруг подходит она развратной походкой к столу и цоп пирожное с кремом. И жрет.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое что на три пирожных.

Л. 4

Она харчит⁴⁸, а я с беспокойством <sic!> шарю по карманам, ощупываю сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос.

Села она с кремом, цоп другое пышненькое, с белой сердцевинкой. Я аж крикнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуазная стыдливость и неловкость, дескать, кавалер и не при деньгах.

Я хожу вокруг нее что петух, а она хохочет, и восхищается мной.

Я говорю:

— Звонили кажется. Не пора ли в театр сесть?

А она говорит:

— Нет.

И с этими словами цоп еще, по счету третье.

Тут я даже заикаться стал.

— На тощах <sic!> то <sic!>, — говорю, — не много ли? Вытошнит...

А она:

⁴⁷ «ф[оіе]»

⁴⁸ «харчит» сохранилось в первопечатной версии (Красный ворон. 1923. № 42. Ноябрь); в прочих публикациях заменено на: «кушает».

— Нет, — говорит, — мы привыкли кушать.

И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи, — говорю, — взад!

Раскрыла она ротик, заморгала бровями,

Л. 5

а мне будто возжа <sic!> под хвост. Думаю: мне теперь все равно [н<.>] с ней не бывать.

— Ложи, — говорю, — к чертовой матери!

Положила она взад. А я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушенные <sic!> пирожные?

А хозяин держится индифферентно <sic!> — ваньку валяет.

— С вас, — говорит, — за скушенные <sic!> четыре штуки столько то <sic!>.

— Как, — говорю, — за четыре? Четвертое, говорю, в блюде.

— Нет, — отвечает, — хотя оно и в блюде, но надкус на нем сделан и помято пальцем.

— Как, — говорю, — надкус, помилуйте. Ни черта похожего.

А хозяин держится индифферентно <sic!> — перед рожей руками крутит.

Ну народ, конечно, тут собрался. Эксперты. Одни говорят: надкус сделан, другие нет.

Подс[ч]итал я деньги — в обрез на 4 штуки. Заплатил. Обращаюсь к даме:

— Чтож <sic!>, — говорю, — докушивайте. Оставьте

Л. 6

справлять ваши амбиции.

А она не хочет.

А тут какой то <sic!> дядя ввязался.

— Давай, — говорит, — я докушаю.

И докушал. За мои то <sic!> деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома задержал я ее ручку и говорю:

— Довольно, — говорю, — свинство с вашей стороны.

А она:

— Я, — говорит, — почему знала, что вы [бе⁴⁹] не при деньгах с дамой ходите.

Я говорю:

— Не в деньгах счастье, а вообще. Досвиданье[.], *аристократка*.

Так мы с ней и разошлись.

*Мих. Зощенко*⁵⁰

Судя по аккуратности письма и минимальному числу вычеркиваний и вставок, перед нами беловик. Поперек первого листа — надпись: «Неисправлен<...>». Что же подверглось исправлению? Имя рассказчика — сначала его звали Петр Петрович, а вовсе не Семен Семенович Курочкин. И перемена названий тоже имела место, только не такая, как можно было думать, — сначала: «Рассказ о том, как Семен Семенович в аристократку влюбился», а потом: «Аристократка». Нет, «Аристократка» — это имя, данное рассказу при рождении. И, похоже, идея объединить рассказы в цикл не предшествовала их сочинению, а возникла (хотя долго и не протянула), когда сами рассказы уже были написаны. Но более всего изменились герои: 19-летняя дворянка и дочь контр-адмирала Анна Ипполитовна Зимина превратилась в безымянную жилищу 7-го номера, а комитетчик — в водопроводчика.

«Комитетчик», как явствует из контекста, — это член домового комитета, органа, избранного жильцами для управления делами дома. В 1918—19 годах орган этот (судя, например, по мемуарам Федора Шаляпина) был проводником советской

⁴⁹ «бе[з денег]»

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 64. Лл. 1—6. Автограф; фотографическое воспроизведение первого листа рукописи см.: *Еришов Л. Ф.* Из истории советской сатиры: М. Зощенко и сатирическая проза 20—40-х годов. Л.: Наука, 1973. С. 41.

власти на уровне дома, и от него зависело очень многое: право на проживание, выдача продуктовых карточек, направление на общественные работы и т. п. Как раз тогда членов домкома и называли комитетчиками. В этом отразилась давняя (еще с революции 1905 года) политическая инерция — воспоминания о той роли, которую играли в русской жизни центральные и местные комитеты различных партий. К середине 20-х и применительно к домкомам это титулование отдавало анахронизмом. Но, может быть, речь, действительно, идет о событии, описанном Николаем Чуковским, — событии 1921 года? Вот и первый рассказчик, Петр Петрович, говорит, что «комитетчиком» он был «в то время»...

А из этого следует, что тот рассказ, который слышал Чуковский в 1921 году, был затем основательнейше переработан, причем, как минимум, дважды, поскольку на имеющемся беловике имеется помета: «Неисправлен<.>». Исправленный текст и был опубликован.

Так что спонтанно («на лестнице») написан был лишь первый вариант, а работа над рассказом заняла еще два года...

Заключалась же эта работа в удалении всех реальных примет времени и личности: «комитетчик», «дворянка», «дочь бывшего контр-адмирала», даже возраст девицы — 19 лет, легко объяснявший тягу к ней мужчины низшего сословия, и само именование героини «девицей». Вместо этих вполне реальных деталей появляются *символы*: эфемерная *аристократка* (аристократизм описан теперь лишь с внешней стороны и вызывающе нелеп — продолжена линия «шляпки»: «фильдесовые чулки», «золоченый зуб» и «мопсик»), *мерси* и *пирожные*.

* * *

С противостоянием хлеба французским деликатесам Зоценко столкнулся в самом начале литературного пути, о чем и рассказал много лет спустя в повести «Перед восходом солнца»:

СЫР БРИ

Каждый день я подхожу к забору, на котором наклеена «Красная газета».

В газете «Почтовый ящик». Там ответы авторам.

Я написал маленький рассказ о деревне. И послал в редакцию. И вот теперь не без волнения ожидаю ответа.

Я написал этот рассказик не для того, чтоб заработать. Я — телефонист пограничной охраны. Я обеспечен. Рассказ написан просто так, — мне казалось это нужным — написать о деревне. Рассказ я подписал псевдонимом — М. М. Чирков⁵¹.

Моросит дождь. Холодно. Я стою у газеты и просматриваю «Почтовый ящик».

Вижу:

«М. М. Чиркову — Нам нужен ржаной хлеб, а не сыр бри».

Я не верю своим глазам. Я поражен. Может быть, меня не поняли?

Начинаю вспоминать то, что я написал.

Нет, как будто бы правильно написано, хорошо, чистенько. Немножко манерно, с украшениями, с латинской цитатой... Боже мой! Для кого же это я так написал? Разве так следовало писать?.. Старой России нет... Передо мной — новый мир, новые люди, новая речь...

Я иду на вокзал, чтобы ехать в Стрельню на дежурство. Я сажусь в поезд и час еду.

Черт меня дернул снова склониться к интеллигентскому труду. Это в последний раз. Больше этого не будет. В этом виновата моя неподвижная, сидячая работа. У меня слишком много времени для того, чтобы думать.

Я перемену работу⁵².

⁵¹ Речь, вероятно, идет о рассказе «Чудесная дерзость (Фельетон Мих. Чиркова)», датированном осенью 1918 г. (ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 245. Лл. 1—10; отрывки 1-го варианта, черновой и белой автографы 2-го варианта).

⁵² Зоценко Мих. Собрание сочинений в 3 тт. Л.: Художественная литература, 1986—87. Т. 3. С. 498—499.

И про то, как аристократическая привычка к французскому языку может лишить человека куска хлеба, тоже изложил устами Семена Семеновича Курочкина:

«Сидит, представьте себе, на толчке многоуважаемая дама такая (может быть, *бывшая графиня*) и домашним барахлом торгует. И тут же при ней клетка, а в клетке попка. И сидит эта попка на кольце, качается и орет *по-французски: шармант, что в переводе на русский язык — прелестно, значит.*

<...>

Принялся я с бабой одной торговаться и совсем было в цене сошелся, да явился какой-то инвалид, что ли. Из армии.

— Стоп, — говорит, — братцы! Обман. Попка это не настоящая. Настоящая попка „дурак“ орет, а эта, говорит, что-то невнятно произносит.

Ну и смутил сделку, чертов инвалид. Пуд только стала давать баба.

Дальше я пошел.

В одну, в другую деревню — не берут. Хохочут, под перья дуют, а не берут. А которые бы и взяли, да обижаются, зачем „дурак“ не произносит»⁵³.

А год спустя от имени все того же Семена Курочкина был напечатан рассказ «Электрофикация»:

«Нынче самое что ни на есть модное слово, конечно, электрофикация.

Дело это, не спорю, громадной важности — советскую Россию светом осветить. Но и в этом есть, пока что, свои неважные стороны. <...>

Жили мы в доме. Дом большой и весь под керосином. У кого коптилка, у кого небольшая лампочка, у кого и нет ничего — поповской свечкой светится. Беда прямо.

⁵³ Зоценко М. Рассказ о том, как Семен Семенович Курочкин попугая на хлеб менял // Красный журнал для всех. — Пг. 1923. № 3—4. С. 10—12; в дальнейшем название рассказа изменено на «Попугай». Цит. по: Зоценко Мих. Собрание сочинений в 3 тт. Л. Т. 1. С. 129—132.

А тут проводить свет стали. <...>

Провели, осветили — батюшки светы! Крутом гниль и гнущь. <...> И ничего такого при керосине не видно было.

А теперь зажгли, смотрим — тут туфля чья-то рваная валяется, тут обои отодраны и клочком торчат, тут клоп рысью бежит — от света спасается, <...> тут плевок, тут окурок, тут блоха прыгает. <...>

Канаве такое в нашей комнате стояло. Я думал, хорошее канаве. Сидел даже на нем по вечерам. А теперь зажег электричество — батюшки светы! Ну и ну! Ну и канаве! Все торчит, все висит, все изнутри лезет. Не могу сесть на такое канаве — да и только. <...>

Стал я приходиться домой скучный. Приду, свет не зажгу и ткнусь в койку.

После раздумал, получку получил, купил мелу, развел и приступил к работе. Обои отодрал, паутинку смел, канаве подальше убрал, выкрасил все — душа радуется.

Но хоть и получилось хорошо, да не совсем. Зря деньги ухлопал — отрезала хозяйка провода.

— Больно, говорит, бедно выходит при свете-то. Чего, говорит, бедность такую светом освещать.

<...>

Эх, братцы, и свет хорошо, да и со светом плохо!»⁵⁴

Некоторое время спустя Зоценко решил от модного слова отказаться, и рассказ озаглавил более социально: «Бедность». А в 1935-м Зоценко его с головы до ног переделал: название — «Последний рассказ», а финал такой: никто никаких проводов не отрезал... Напротив, увидав свой убогий быт, люди впали не в тоску, а в энтузиазм — произвели ремонт и генеральную уборку.

«А что касается общего настроения, то все как переродились. После работы приходят, моются, убирают комнаты, чистятся и так далее. И даже больше — многие стали более вежливо себя держать. А один даже начал учиться французскому

⁵⁴ Красный ворон. 1924. № 17. С. 3.

языку. И, наверно, у него что-нибудь получится. А некоторые, поскольку стало светло, пристрастились к чтению и к игре в шашки. И вообще при свете началась другая жизнь, полная интересов и внимания друг к другу. Вот что произошло после включения в общую сеть.

<...>

В общем, все громадные перемены в квартире <...> были удивительными событиями, которые мы и записываем золотыми чернилами, только они немного расплываются, поскольку бумага не так еще хороша. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут»⁵⁵.

Выбор слов в двух заключительных фразах позволяет разгадать мысль автора:

Бумага, конечно, все стерпит, но такого, извиняюсь, вранья даже она не выдержала!

Но наше внимание останавливает один из примеров нравственного перерождения:

«А один даже начал учиться *французскому языку*».

Рассказ назван «Последним» и, действительно, завершает «Голубую книгу». За ним следуют только «Послесловие» и два прощания — с Философом и Читателем. Открывает же книгу «Предисловие», а ему предшествует текст, озаглавленный так:

«К Горькому»

То есть — обращение. И далее — письмо указанному адресату, завершающееся словами:

«Позвольте же, глубокоуважаемый Алексей Максимович, посвятить вам этот мой слабый, но усердный труд, эту мою „Голубую книгу“, которую вы так удивительно предвидели

⁵⁵ Зоценко Мих. Собрание сочинений в 3 тт. Л.: Художественная литература, 1986—87. Т. 3. С. 439—440.

и которую мне было тем более легко и радостно писать, сознавая, что вы будете ее читателем»⁵⁶.

Вследствие чего становится ясно — начало и конец книги симметричны: обращение к Горькому-читателю, предисловие /// послесловие, прощания с Философом и Читателем (вероятно, с Горьким).

В этой связи возникают два вопроса, которыми, кажется, никто не задавался: почему книга названа «Голубой»? И почему она посвящена Горькому?

Развернутый ответ на второй вопрос дан, казалось бы, самим Зоценко:

Дорогой Алексей Максимович!

Два года назад в своем письме вы посоветовали мне написать смешную и сатирическую книгу — историю человеческой жизни.

Вы писали:

„По-моему, вы и теперь могли бы пестрым бисером вашего лексикона изобразить-вышить что-то вроде юмористической «Истории культуры». Это я говорю совершенно убежденно и серьезно...”

Я могу сейчас признаться, Алексей Максимович, что я весьма недоверчиво отнесся к вашей теме. Мне казалось, что вы предлагаете мне написать какую-нибудь юмористическую книжку, подобную тем, какие уже бывали у нас в литературе, например, „Путешествие сатириконцев по Европе”⁵⁷ или что-нибудь вроде этого.

Однако, работая нынче над книгой рассказов и желая соединить эти рассказы в одно целое (что мне удалось сделать

⁵⁶ Там же. С. 163.

⁵⁷ Экспедиция в Западную Европу сатириконцев Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. Текст А. Аверченко и Г. Ландау. Рис. А. Радакова и Ре-Ми. СПб., 1911; в примечаниях к переизданию (Аверченко А. Т. Хлопотливая нация: Юмористические произведения. М.: Политиздат, 1991) М. Андраша установил реальные имена персонажей: Южакин — А. Аверченко; Сандерс — Г. Ландау; Мифасов — Н. Ремизов (Ре-Ми); Крысаков — А. Радаков.

при помощи истории), я неожиданно натолкнулся на ту же самую тему, что вы мне предложили.

И тогда, вспомнив ваши слова, я с уверенностью принялся за работу.

Нет, у меня не хватило бы сил и умения взять вашу тему в полной своей мере.

Я написал не Историю культуры, а, может быть, всего лишь краткую историю человеческих отношений.

Позвольте же, глубокоуважаемый Алексей Максимович, посвятить вам этот мой слабый, но усердный труд, эту мою „Голубую книгу“, которую вы так удивительно предвидели и которую мне было тем более легко и радостно писать, сознавая, что вы будете ее читателем.

Сердечно любящий вас

Мих. Зо щ ен ко

Январь, 1934 г.

Ленинград⁵⁸

Но в свете «Последнего рассказа» выясняется, что книга обязана Горькому и своим названием. Это аллюзия на его рассказ «Голубая жизнь», опубликованный в 1925 году. И повествуется в нем о мещанине Константине Миронове, одержимом одной мечтой — уехать во Францию. Франция же эта видится Миронову исключительно в голубом свете и цвете, а сам Париж — голубой город, возникающий перед его мысленным взором «в голубом тумане восхищения». И в девушку он влюбляется оттого, что вся она голубая — в голубом платье и даже в голубых чулках. А здешняя — непарижская — жизнь груба, омерзительна и оскорбительна. И от недоступности Парижа с голубой его красотой Миронов сходит с ума.

Тут-то и припоминаются Жолковский с Ермаковым: аристократка — не баба вовсе: у нее там, где не нужно, — гладкое место. А значит, аристократка — женщина недоступная. Как французский язык...

⁵⁸ Зо щ ен ко Мих. Собрание сочинений в 3 тт. Л.: Художественная литература, 1986—1987. Т. 3. С. 163.

И комический эффект создается демонстрацией непреодолимой пропасти между Великой Революцией и бессильными потогами на нее.

Именно таков сюжет рассказа «Аристократка».

А понимание пришло до всяких пирожных — еще в 1918 году:

«Он сидел рядом со мной и корявым пальцем водил по строчкам газеты. И хмурился.

Такой строгий: такой внушительный в новенькой своей шинели и с шашкой на правом боку.

<...> если я не ошибся, он чем-то недоволен.

Он пожевал своими губами, снова прищурил глаза (о, ему так нравилось это делать!) и сказал:

— Да... буржуазной прессой. <...> Пишут. Сами не знают что. Извольте видеть: Ингерманландия... Сами не знают что.

О, они-то знают, это, мой бедный друг, ты не знаешь!.. Это они нарочно говорят тебе непонятные для тебя слова, ибо как могут они говорить очень понятно, если ты обидишься и не позволишь вовсе печатать?

<...> Он дошел до степеней известных и не позволит смеяться над ним.

Он помолчал. Застегнул на все пуговицы новенькое пальто. Такой строгий, внушительный. Газету смял и бурно положил в карман и протянул:

— Сегодня возбужду вопрос с точки зрения.

И встал. И ушел.

А когда он уходил, я громко сказал ему:

— Я очень не люблю тебя, мой властелин.

Он сконфуженно пробормотал что-то.

И вышел.

А..... вот то-то и оно!

Давайте говорить по-французски!»⁵⁹

⁵⁹ «Я очень не люблю вас, мой властелин» // Зоценко М. Сочинения: 1920-е годы. СПб.: Кристалл, 2000. С. 966—967.